

An atmospheric oil painting of a rainy street scene. A multi-story building with a weathered facade and several windows is the background. Two windows on the right side are illuminated from within, casting a warm orange glow. In the foreground, a rusty, brown door stands on a concrete platform. The ground is wet and reflective, mirroring the lights from the windows and the overcast sky. Rain is depicted as numerous vertical streaks falling across the entire scene.

ДИСПЕТЧЕРСКАЯ
ТРИ ГОДА

ИЛЬДАР ГРОМОВ

Ильдар Громов

Диспетчерская. Три года

<https://litres.ru/74490568>

SelfPub; 2026

Аннотация

Три года Вера Павловна ходит на кладбище. Каждую субботу. Автобус, поле, могила сына. Она не плакала ни разу. Она просто живёт — как по расписанию.

А потом в стене её квартиры начинает говорить голос.

Он зовёт её «мам». Он звучит точно так, как звучал Коля. И Вера Павловна делает то, что делала бы любая мать: слушает.

Но в подвале этого старого дома есть дверь, которой нет на плане. За ней сидит человек, который видит всё. Он не призрак. Не демон. Он — тот, кто однажды тоже выбрал. И он задаёт единственный вопрос, на который Вера не может ответить:

«Ты хочешь, чтобы он вернулся? Или чтобы тебе стало легче?»

История о том, что страшнее всего — не голоса за стеной. А правда, которую мы не хотим слышать.

Содержание

Глава 1. Стена	4
Глава 2. Двенадцатая	10
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Ильдар Громов

Диспетчерская. Три года

Глава 1. Стена

Кладбище было за городом. Автобус — сорок минут, потом ещё пешком через поле. Вера Павловна ходила туда каждую субботу. Три года. Автобус, поле, кладбище. Как по расписанию.

Ветер сегодня был сырой. Не холодный — сырой. Такой, который забирается под пальто и остаётся там. Она поправила шарф. Шарф был старый, растянутый на локтях, серый, как всё вокруг.

Могила — третья от ограды. Она знала это наизусть: третья от ограды, если считать от угла, где растёт берёза. Берёза была кривая, с чёрным надломом посередине ствола. Вера Павловна каждый раз смотрела на этот надлом и думала: надо было спилить. Но не спиливала. Пусть стоит.

На памятнике — фотография. Сын. Двадцать шесть лет, улыбается, волосы назад. Такой он был на последнем дне рождения. Она сама выбрала этот снимок. Долго выбирала. Перебрала все, что были в телефоне, — а их было много, он любил фотографироваться, — и выбрала эту. Не потому что лучшая. Потому что там он смотрел прямо в камеру. Не от-

водил глаз.

Она принесла с собой тряпку и бутылку воды. Пластиковую, из-под лимонада. Каждую субботу приносила. Протирала памятник, потом фотографию. Осторожно, чтобы не оставить разводов. Потом садилась на скамейку — низкую, железную, выкрашенную зелёной краской, которая облупилась ещё в прошлом году, — и сидела.

— Привет, — сказала она.

Ветер шевельнул ветки берёзы. Где-то далеко, за полем, прошла электричка. Она не видела её, только слышала — глухой стук колёс, который быстро растворился в воздухе.

— Я опять не спала, — сказала Вера Павловна. — Всю ночь. Часы тикают. Я их слышу, даже когда они не тикают. Знаешь, как это? Когда тишина такая, что в ней всё равно что-то есть.

Она замолчала. Посмотрела на фотографию.

— Я не жалуюсь, — сказала она. — Я просто говорю.

Она всегда так говорила. Как будто он мог ответить. Как будто он сидел рядом. Один раз — сидел. Лет пять назад. Тогда он ещё мог слушать.

Ветер стал сильнее. Она подняла воротник. Руки замёрзли — она забыла перчатки, опять забыла, — и она спрятала их в карманы. В кармане был телефон. Она достала его, посмотрела на экран. Ничего нового. Но старые сообщения были на месте. Она их не удаляла. Иногда перечитывала. Сегодня не стала. Убрала телефон обратно.

— Ладно, — сказала она. — Я пойду.

Она встала. Поправила тряпку на памятнике — та лежала криво, — и пошла к выходу. Не оборачиваясь. Она никогда не оборачивалась. Если обернуться — можно остаться.

Дорога домой была длинной. Автобус шёл медленно, останавливался на каждой остановке, даже там, где никто не выходил. Вера Павловна сидела у окна и смотрела на дома. Панельные, серые, одинаковые. Балконы, застеклённые и не очень. Кто-то развесил бельё. Кто-то курил на балконе. Кто-то просто стоял и смотрел вниз.

Она вышла на своей остановке. Подъезд был тёмный — лампочка на первом этаже перегорела ещё в четверг, и её никто не поменял. Вера Павловна знала, что не поменяют. Она сама могла бы поменять — лампочка лежала у неё в сумке, — но не стала. Пусть.

Она поднялась на четвёртый этаж. По лестнице. Лифта в доме не было — пятиэтажка, хрущёвка, — и она давно привыкла считать ступеньки. Двадцать восемь. Каждый раз двадцать восемь. Она не сбивалась.

Квартира встретила её тишиной. Она всегда встречала её тишиной. Вера Павловна сняла пальто, повесила на крючок. Крючок был вбит криво — сын вбивал, давно, — и пальто всегда съезжало набок. Она поправила его. Потом прошла на кухню.

Чайник. Чашка. Ложка. Она делала это каждый день и не замечала. Руки сами знали, что делать. Вода закипела, чай-

ник щёлкнул, она налила кипяток. Потом села за стол и посмотрела в стену.

Стена была обычная. Обои — светлые, в мелкий цветочек, — поклеены лет десять назад. В углу, у окна, обои немного отошли. Она всё собиралась подклеить. И всё не подклеивала.

За стеной жили соседи. Молодые, с ребёнком. Ребёнок иногда плакал по ночам. Вера Павловна слышала. Она не злилась. Она просто слышала.

Сегодня соседей не было слышно. Тишина. Такая, в которой всё равно что-то есть.

Она допила чай. Помыла чашку. Поставила на место. И пошла в спальню.

Ночью она не спала. Лежала и смотрела в потолок. Потолок был белый, с трещиной от угла до люстры. Она знала эту трещину наизусть. Иногда ей казалось, что трещина стала длиннее. Но она не была уверена.

Часы тикали. Они всегда тикали. Она давно хотела их выбросить — эти часы, с маятником, ещё от бабушки, — но не выбрасывала. Привыкла.

И потом она услышала.

Не сразу. Сначала — как будто ветер. Потом — как будто труба. Потом — голос.

Тихий. Не громкий. Как будто из-за стены. Как будто кто-то стоял с другой стороны и говорил в стену, зная, что она услышит.

— Мам.

Она замерла. Не села. Не вскрикнула. Просто замерла. Руки лежали поверх одеяла, и она почувствовала, как они стали холодными. Не от холода. От чего-то другого.

— Мам, — снова.

Это был его голос. Она узнала бы его из тысячи. Такой, как будто он только что вошёл с улицы и ещё не снял куртку. Такой, как будто он что-то хотел сказать, но не решался.

Она повернула голову к стене. Стена была рядом. У изголовья кровати. Обычная стена. Обои в цветочек. Трещина у потолка.

— Я здесь, — сказала она.

Голос не ответил. Но она почувствовала, что он там. За стеной. Близко. Так близко, что если протянуть руку — можно коснуться.

Она протянула руку. Коснулась стены. Обои были холодные. Не как обычно. Холодные, как будто за ними — улица. Как будто там, за стеной, зима.

Она лежала так до утра. Рука на стене. Глаза открыты. Часы тикали. Где-то далеко, за окном, прошла машина. Потом ещё одна. Потом стало светать.

Утром она встала. Подошла к стене. Там, где ночью лежала рука, — ничего. Обои как обои. Цветочки. Трещина.

Но чуть ниже, у самого плинтуса, она увидела царапины. Три полосы. Неглубокие. Как будто кто-то провёл ногтем. Или чем-то острым. Свежие — края ещё белые, не запыли-

лись.

Вера Павловна присела. Посмотрела.

Потом встала. Пошла на кухню. Поставила чайник. Села за стол.

И только тогда поняла, что руки у неё дрожат.

Глава 2. Двенадцатая

Утром она не стала ничего делать. Просто сидела на кухне и смотрела на стену. На ту самую, у которой ночью лежала рука.

Царапины никуда не делись. Три полосы, у плинтуса. Она провела по ним пальцем. Обои были шершавые, и полосы были шершавые, как будто кто-то провёл не ногтем, а чем-то жёстким. Металлом? Она не знала.

Вера Павловна встала, взяла тряпку и вытерла стену. Не чтобы стереть царапины — она знала, что не сотрёт. Просто чтобы что-то делать. Тряпка стала серой. Она прополоскала её под краном и повесила на батарею.

Потом оделась и вышла.

На лестничной клетке пахло жареной картошкой. Это была квартира напротив — Тоня, продавщица из универсама, — она всегда жарила картошку по утрам. Вера Павловна знала это по запаху. Она вообще много знала по запахам. Это было единственное, что осталось от привычки замечать.

Она спустилась на второй этаж. На подоконнике между этажами стоял горшок с геранью. Герань была старая, с толстым стволом, и цвела — красными, немного вялыми цветами. Кто-то её поливал. Вера Павловна не знала кто. Может, Тоня. Может, баба Зина с первого. Может, никто — просто дождь залетал в открытую форточку. Но герань не умирала.

Это было странно. В этом доме всё умирало, а герань — нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.